18+

Несерьёзные рассказы

Александр Минин

Не серьёзные рассказы

«Издательские решения»

Минин А. Ф.

Не серьёзные рассказы / А. Ф. Минин — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Несерьёзные рассказы — сборник ироничных историй, где обычное становиться абсурдным. Лёгкое чтение, чтобы улыбнуться и отвлечься от суеты.

© Минин А. Ф.
© Издательские решения

Содержание

Америка 6
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Не серьёзные рассказы

Александр Фёдорович Минин

© Александр Фёдорович Минин, 2026

ISBN 978-5-0071-6859-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Америка

Мы летели из Москвы в Нью-Йорк. Я сидел у иллюминатора. Садились в Москве ночью. Была зима, холодно, первые числа января 1995 года. Нас привез автобус, у трапа был небольшой затор, стюардессы фонариками освещали документы пассажиров, ветер трепал полы их пальто, они рукой придерживали меховые шапки на голове, люди толпились и каждый хотел быстрее попасть в салон. Мне было тревожно, вдруг что то не так с документами, вдруг рейс отменят в последний момент. Скорее бы взлететь. Летели беспосадочным рейсом. Примерно десять часов полета. В середине полета в иллюминаторе я увидел землю, было темно, а под крылом тянулся бесконечный, почти черный океан. И вдруг белый снег, земля до горизонта. И ничего, только снег. Что это? Посмотри в иллюминатор, сказал я Сергею. Это что, Канада? Сергей Собкин, это директор одного из моих предприятий. Он нехотя повернул голову и говорит — а я откуда знаю. Может и Канада. И снова задремал. Он спал и дремал почти весь полёт. Я пытался спать, куда-то проваливался на короткое время, потом просыпался и смотрел в иллюминатор. Слышу в салоне кто-то говорит: это Гренландия. Ничего себе, пятьдесят минут летим, а это всего лишь остров.

Достал из спинки сиденья журнал Аэрофлота. Листаю, бегло, что то читаю. В середине журнала вижу лист с глобусом, двойной, еще и разворачивается, где из Москвы проложены красными линиями заграничные рейсы самолётов Аэрофлота. Получилась целая паутина. И что я вижу? Никогда не сравнивал, а тут увидел. Нью-Йорк на той же параллели что и Баку, и Ташкент, и Самарканд. А Вашингтон еще ниже, где украинская Винница и французский Лион. Вот это да! — удивился я. Хорошо они пристроились! Подлетели к Канаде, её узнал сразу. Как на карте. Мы летели вдоль её берегов. Острова, заливы, озёра, устья рек. В аэропорт имени Кеннеди, прилетели днём.

Побывать в Америке было моей «голубой мечтой». В детстве и юношестве я об этом даже не думал. Социализм и мое прошлое ставили на этом крест. Все изменилось с приходом к власти Бориса Ельцина. Он сказал «Да благослави бог Америку!». И у меня сразу появилась мечта. Сначала нужно было понять, как туда можно попасть, потом, а на какие деньги? Так я ходил вокруг, да около, объездил много стран, даже побывал в Японии. Токио смазал впечатление о Нью-Йорке. Немного подпортил. Их не надо было сравнивать. А я сравнивал. Но это два разных мира. Мусор Нью-Йорка и чистота Токио поначалу подпортили впечатления о Нью-Йорке. И я жалею об этом. Не в мусоре дело. Не на то смотрел. Я тогда не понимал: это две разные галактики. Как наша галактика и галактика Андромеды.

Семичастный Леонид Дмитриевич без преувеличения был самым известным строителем области. Как и его отец, который в в 1945 году руководил строительством первого промышленного атомного реактора в СССР, Челябинск — 40 (сейчас Озёрск). Раньше Леонид Дмитриевич возглавлял «Главюжуралстрой». В девяностых руководил Главным управлением Архитектуры и лицензионным центром. Я приехал за лицензией, мы познакомились. Потом встречались по работе. Иногда, я проезжая мимо управления архитектуры просто заходил к нему. Много разговаривали. На разные темы. Разница в возрасте и опыте большая, но поговорить было о чем. Однажды в разговоре я сказал. У меня на счету в рублях больше миллиона долларов. Могу забрать их в виде дивидендов. Мечтаю уехать в Америку жить. Но как туда выехать? А я тебе организую поездку в Америку, сказал он. Там много «наших» которые уехали раньше. Когда евреям разрешили выезжать в Израиль, некоторые, перевернув шекели в доллары переехали в Штаты. Они встретят и помогут. Есть такая муниципальная жилищная программа в США которую запустил мэр Нью-Йорка, он хочет изменить облик целых районов и сделать из руин новые дома для малоимущих Американцев. Вот по этой программе и будет поездка, так сказать, знакомство с их опытом в этом вопросе. Если хочешь, я всё организую.

Сбор в Москве, люди со всей России. Я ответил, хочу, конечно поеду. Приехал в свой офис и говорю Собкину, так мол и так, я в Штаты а ты тут старший, за меня. Присматривай за всеми. Я тоже хочу, взмолился он. Спросил Семичастнова о Собкине, он говорит, место есть, пожалуйста. Вот счёт на двоих. Вас будет теперь 12 человек.

Перед поездкой я зашёл к нему. Узнать, сколько с собой брать денег и как там и что там. Он говорит, у вас всё оплачено, а там покупать нечего. Ну джинсы, у них качественные, вот и все. Возьми тысяч пять. За глаза. Зачем возить деньги туда и обратно. Взял десять, на всякий случай. Он мне рассказал, что наши строители, что уехали туда раньше, в основном Московские, в Калифорнии скупили заброшенные и дешевые земли под Лос-Анжелесом. На них стали строить дома из доски и фанеры. Двести миллиметров утеплителя, внутри десяти миллиметровая фанера, снаружи двадцати. Внутри обои, снаружи сайдинг. Тратят триста-четыреста тысяч, продают за миллион. По началу никто не покупал, но потом начался бум продаж. Всё скупают еще вначале стройки. Очередь за домами. Они там уже все миллионеры. И что самое интересное, строят не на свои, кредиты берут под смешной процент. Какая чудесная страна, подумал я. Мне туда нужно скорее. Я там уж точно развернусь! Поговори руководителем встречающей стороны, по вопросу переезда. Он подскажет. Их двое, муж и жена. Это их семейный бизнес. Он тебя сведёт с кем надо. Ну вот, там всё и узнаю, решил я. Он стал давать советы, как себя вести по прилёту в США, что бы всё прошло гладко. Что там за особенности такие? Я много летал куда, вроде бы всё уже знаю. Первое, сказал он, когда вы будете заходить в здание аэропорта, вас разделят на три группы. Там есть специальные люди, они этим специально занимаются. Белые американцы, чёрные, и иностранцы. А как они определяют, кто иностранец, а кто нет? Спросил я. Европейцев, а уж тем более нас, они видят сразу, сказал он. Когда встанешь в очередь на контроль, ждать придётся долго, не вздумай возмущаться, тем более показывать руками на очередь. Они этого не любят. Не смотря на официальную политику. Белый американец: превыше всего! Но и чёрный американец — не чета иностранцу. Это крепко сидит в генах страны. Иммиграционный инспектор, (офицер паспортного контроля), спросит тебя о цели приезда в США. Скажи: частный бизнес. Для них этого понятно и достаточно. Известен случай, продолжал он, когда инспектор не пропустил Джона Леннона, и только по тому, что он вел себя не уважительно и вызывающе. Официально он заявил, что Леннон находится в наркотическом опьянении и ведет себя неадекватно. Его начальство не имеет право отменить его решение. Никакие уговоры не помогли. Ему говорили: это же Джон Леннон, он известнее нашего президента, он не от мира сего, ему простительного. Да мне насрать! Заявил офицер. Выход был только один: отстранить его от работы и самому пропустить. Последствия: рапорт, разбирательства, лишение пенсии. Леннон вернулся восвояси. Я хорошо знал эту историю с Джоном Ленноном и Йоко Оной. На самом деле, всё было не так! У нас гуляла эта байка на просторах России. Перебивать Семичастного я не стал, просто молча выслушал.

Сразу после выхода из самолёта мы пошли по указателям на паспортный контроль. Мы шли вдоль натянутых лент, нам постоянно, в основном женщины негритянки в униформе и перчатках показывали куда идти. Если кто-то случайно шёл не туда они перегораживали дорогу. Вот в этом Семичастный оказался прав. Так незаметно для себя мы оказались в просторном зале. Паспортный контроль. Смотрю, а мы далеко от пропускного пункта. И всё перекрыто лентами. Белые американцы уже проходят контроль, всё у них быстро. Чёрные стоят в стороне, но не далеко. Они шумят но видно, что межу собой и о своём. Потом прошли и они. Мы ждём. У нас сдержанная суета. Люди тихо переговариваются. В самолёте американцев было мало. В основном мы, из России. Подошли женщины и пустили нас по нескольким потокам. Наша группа держалась вместе. В группе с нами был примечательный тип. Я про себя дал ему кличку «Итальянец». Невысокого роста, черноволосый, кучерявый. В самолете он сидел впереди нас. Он был в коричневых ботинках, синих брюках, бежевом пиджаке, желтоватой рубашке с синим галстуком. Не обратить на него внимание было невозможно. Он суетился,

то клал сумку на полку, то снимал и открывал, что то доставал, вставал, загораживал проход. Собкина я пропустил вперёд. Посмотреть, как пойдёт, если что, набраться опыта. За мной встал итальянец. Чем ближе мы подходили к пропускному пункту тем больше у меня возникала тревога. А вдруг именно у меня по какой-нибудь причине, ну скажем опечатке, не будет права на въезд в США? Америка уже так близко! Итальянец опять стал рыться в своей сумке и толкал меня головой в спину. Собкин прошёл гладко, его что-то спросили, он что-то ответил и всё, он на их территории. Я подошёл. Поздоровался. Офицер посмотрел на меня и промолчал. Это был рослый негр. Гораздо выше меня. Я смотрел на него снизу вверх, как ребёнок на папу. Он заговорил со мной. Говорил быстро, да так, что я ничего не понял. Молчу. Не знаю что делать. Начинает подкрадываться беспокойство. Пауза. Негр внимательно смотрит на меня. Взгляд строгий. Ну всё, приехали, запаниковал я. И тут выручает «итальянец». Он спросил тебя о цели твоего приезда в штаты. Я отвечаю — приват бизнес. Он опять спрашивает, это то я понял: вы говорите по английски? Ай доунт спик инглиш, быстро отвечаю я. Он опять заговорил. «Итальянец» переводит. Он тебя спросил: как ты собираешься вести бизнес в Америке не зная английского языка? От неожиданности говорю «итальянцу». Спроси его, он знает русский язык? «Итальянец» удивился. Что, так и спросить? Я уже осмелел и считал, что нашёл выход. Да, да спроси. «Итальянец» спрашивает. Естественно, офицер отвечает: нет. Я не унимаюсь. Спроси его, вот я приехал в Америку завести с вами бизнес. А вы не знаете русского языка. И как теперь быть? Но для этого же есть переводчики. Теперь стало интересно «итальянцу». Он заулыбался и спросил офицера. Тот замер, задумался. Пока думал, рука машинально нажимала на степлер, которым крепят визу в паспорт. Сунул мне паспорт и махнул рукой «итальянцу»: следующий. И вот, я в Америке! Получили багаж, прошли таможню и сели в автобус. Открыл паспорт. Смотрю на визе семь скрепок. Причём, то там, то сям. Неужели так должно быть? Сергей, дай твой паспорт посмотреть. Зачем? Буркнул он. Ну дай, надо! Он нехотя достал. У него была всего одна скрепка.

Микроавтобус был марки Форд, очень комфортабельный. Мы с Собкиным сразу сели на первое сиденье за водителем и оно навсегда осталось за нами. Водитель сидел ниже и обзор был хороший. На этом автобусе мы и путешествовали по Америке. Из аэропорта нас повезли на Манхэттен. Смотря в окно автобуса я увидел, что чем ближе к городу, тем больше мусора вдоль дорог. Это удивляло. Хотел посмотреть окрестности, но глаза упирались в мусор. Переехав мост через Ист-Ривер, мы поехали в Мидтаун, это центральная часть города. С моста нам нужно было повернуть на лево, но впереди была пробка. Машины которые едут по улице в сторону нижнего Манхеттена не пропускают машины с моста. Мы во втором ряду. Слева в первом стоит старый Кадиллак. Перед ней малолитражка, за рулем которой сидит мужчина. Я вижу только его спину. Малолитражка пытается, но не может повернуть. Не пускают. В салоне Кадиллака двое. За рулём мужчина, тощий, лет тридцати и молодая девица, лет двадцати пяти. Ноги длинные, юбка по «не хочу». Кадиллак начинает толкать в задний бампер малолитражку. Тот жмет на тормоз. В Кадиллаке смеются и продолжают его выталкивать. Морда машины уже начала высовываться на «встречку». Ему начали сигналить и кричать, махать руками. Но его все выталкивают и выталкивают. Наконец его пропускают, так как пол машины уже на дороге. Как только улица встала, на лево рванули машины с моста. И правила игры поменялись. Почему он стерпел? Спросил я гида. В нью-Йорке разрешено толкаться бамперами. Посмотрите на такси, почти у всех мятые бамперы, сказала она. Но он выталкивал его на встречную полосу! Вроде он крупный мужик, вышел бы из машины, и дал бы ему по морде. Сказал я. И получил бы пулю в ответ. Это Америка! И он был бы прав, потому что, он защищался, сказала спокойно она. Неожиданный и такой своевременный опыт я получил в первый день на Американской земле.

Сергей Собкин был на семь лет младше меня. Мы познакомились с ним по работе, когда он работал в ЖКУ ЧТЗ. Занимался он ремонтом жилищного фонда. Был там каким-то начальником. Попросился ко мне, узнав какую зарплату получают мои мастера. Сразу показал себя очень хорошо. Исполнительный, ответственный. Не хватало опыта и знаний, но компенсировал это трудолюбием и упорством. Стал мне нравиться. До него я сам был директором, но у меня были ещё две фирмы, и мне было тяжело таким хозяйством управлять. Я назначил его директором вместо себя. Справиться, не справиться, я рядом, я подстраховывал. Он стал приносить хорошую прибыль. Видя, как он старается, и что бы у него была прямая заинтересованность в развитии предприятия, я отдал ему 25% уставного капитала. Просто подарил. Сначала всё шло хорошо. В Америку мы поехали тогда, когда отношения были нормальные. Он был женат. Лида его жена не могла забеременеть. Детей у них не было. Жил он ниже меня на два этажа. Я ему там помог с квартирой. Я её знал и часто видел. У него была любовница. Она была его секретаршей на прошлой работе. Грудастая блондинка. Он иногда ночевал у неё. Однажды, приходя утром на работу, он попросил меня подтвердить Лиде, что ночью он был на работе. Лида знала про любовницу. И мне было её жалко. Но она это всё терпела. Я не хотел этого делать. Вместо этого я решил с ним поговорить. Весь разговор приводить не стоит. Скажу только несколько фраз, которые как я считаю, повлияли на него. Я видел его глаза и видел его реакцию. « Вот скажи мне пожалуйста, когда ты приходишь домой от любовницы, Лида тебя кормит на кухне? Вы смотрите друг другу глаза, или в тарелку? А если смотрите, то делаете вид, что у вас всё хорошо? Вы о чём разговариваете друг другом, когда ты задерживаешься у любовницы? Вы спите в одной постели, или в разных комнатах? А когда вместе? Как собаки переспали и разбежались, или и так сойдёт? Вы же не животные, Сергей — вы люди. Так и живите, как люди живут. Скажи, зачем ты её так унижаешь? Ты ей мстишь? За что? Если нет, возьми и уйди к любовнице. Определись наконец. Ну зачем ты мучаешь обеих?» Он не ожидал. Мужики в таких случаях ждут сочувствия, понимания и получают его. А я осуждал. Он вскоре бросил любовницу. Она раз пришла на работу и при мне закатила истерику. Потом у Сергея с Лидой всё наладилось. Лида родила ему парня. Он был невероятно счастлив. Теперь него появились деньги. Он стал (как говорил один мой знакомый полковник): чувствовать себя великим. Я видел всё это, и мне его было жаль.

У меня не хватало образования, я это знал. Испытал всё на себе. Всего Монтажный техникум. Мне не хватало знаний по сопромату, экономике, юриспруденции. Но у меня было кое что другое, что частично перекрывало нехватку образования. Большой опыт, как в строительстве объектов, так и в организации самого строительства. И я хотел развиваться, мечтал создать целый строительный трест.

А вот Собкин был другим. Он работал ради денег. Прошлого опыта у него не было, только в сфере капремонта. Кое чему научился у меня. А этого было мало. Но он этого не понимал. И не мог понять, потому что у него не было опыта. Это не каламбур. Это причина. Он был пустым. В конце концов он плохо закончил. Его видели мои бывшие рабочие, как он халтурит со своим сыном в пожилом возрасте, сам прибивая плинтуса. Но это будет все потом. Он в тайне от меня зарегистрировал собственную фирму. А тайны то никакой и не было. Я все знал. Мне всё докладывали, но то-же, как потом выяснилось не безвозмездно. Потом «докладчик» стал просить пожизненную надбавку к пенсии, на которую сразу и вышел. Бывший заместитель директора завода, солидный человек, а с головой беда. Собкин начал переводить на своё предприятие объекты и людей. Я наблюдал. Думал, когда же сам скажет? Смотрю нет, всё скрывает. Я решил, раз так, сам поговорю и отдам только то, что ему положено. Отдал ровно 25%. Отпустил, без разборок и оскорблений. И дело тут не в благородстве, его можно было «прижать». Сначала ему надо было хорошенько подумать, самому ему работать лучше или со мной. В последнее годы, у нас было много основных средств. И он тоже к этому приложил усилия. Он уже давно возместил эти 25% с лихвой.

Отель Hilton Garden на 6 Water Street был 29 этажный. Мы поселились на 24 этаже в небольшом бюджетном номере с двумя раздельными кроватями. Я спал у окна. Окно выходило на угол 6 улицы. Из окна были видны крыши двух соседних зданий, с водонапорными баками на крыше. Это не просто крыши, как у нас в России. Это, какая то производственная площадка. Огромный бак на стойках, кондиционеры, вентиляционны трубы, кабеля, откуда-то идет пар. Постоянно был слышен звук сирен, особенно он громкий ночью, запомнился как неотъемлемая часть ночной жизни этого большого города. И это на 24 этаже. А что внизу? Звук шел с регулярностью в десять минут. Не потому ли квартиры в Нью-Йорке — чем выше, тем дороже? Телевизор в углу всегда показывал новости CNN. Я и не переключал. Сергей его вообще не смотрел. У меня осталось в памяти то, что он все время спал. Я смотрел с удовольствием. Причины было две. У них уже цифровое телевидение с соответствующим качеством, а я приехал из страны, где аналоговое телевидение. Смотрел новости по картинкам. Это про Ирак, это Детройт с его опустевшими заводами, и потом слушая их, стал замечать, что кое что я уже улавливаю. Особенно в конце поездки. Мне кажется, мне хватило бы и года, что бы я залепетал на английском.

«Город, который никогда не спит»: это про Нью-Йорк. Мы приехали в первых числах января. Рождество у них прошло, но праздничное оформление и иллюминация ещё остались. Не скажу, всё осталось, или нет, но город выглядел праздничным, особенно ночью. Точно так, как и показывают в американских фильмах сцены на Рождество. Улицы забиты машинами. Я как то по телевизору слышал от нашего обозревателя выражение — «жёлтый Нью-Йорк» Он имел в виду Нью-Йоркское такси. Действительно. Все дороги желтые от огромного количества такси. Кое где, прямо возле дома, иногда и вплотную с ним спуск под землю шириной в три метра, а то и меньше, как в подвал дома. Только синяя надпись Subwey и шум из под земли, говорит о том, что это вход в метро. Американцы не Москвичи, темп другой. Вот интересно, куда спешат москвичи? По делам? Вот только в Нью-Йорке больше всего в мире деловых людей. Но они никуда не спешат. Разнообразие людей, национальностей, одежды поражает. «Все флаги в гости к нам». Можно стоять и часами разглядывать прохожих. Не обману если скажу — не одного похожего. Все разные. А негры, это особый народ, во что только не одеты. Как на сцене театра. Смотреть — одно удовольствие. А походки. Это танец — а не походки. Такое впечатление что у них ночью — вечный карнавал. А машины. Иногда какая-нибудь припаркуется, чтобы высадить пассажиров, так это не машина, а «яйцо Фаберже». Да и выйдут из неё «дамы» в одних колготках сеточках, кожаных мини юбках, лифчиках и перьях. А мужики в трусах с лампасами, часах Rolex, цепях и шубах на голое тело.

Почти каждый вечер мы гуляли по городу, когда не поздно приезжали с экскурсий. Если Собкин спал, я бродил один. Есть места в Нью-Йорке, где улицы сходятся как бы в одну точку. Там находятся знаменитые «треугольные дома». Вот именно там кипит и бурлит ночная жизнь. Когда я был один, то ходил туда. По часу сидел на лавочке, смотрел на прохожих, танцовщиков, слушал музыкантов, ел хот-доги, пил кока-колу. Гид нас предупредила. Прежде чем вечером пойдёте на улицу, отложите 20 долларов отдельно в карман. Столько стоит доза наркоты. Если к вам пристанут с просьбой дать им 20 долларов, лучше дайте, не рискуйте. Если у него «ломка», то они бывают агрессивны, он может разбить бутылку о тротуар и позвать полицию. Полиция ночью там на каждом углу. Крикнет полицейского и скажет ему, что вот это ты, разбил бутылку. Полицейский всё прекрасно понимает. Но тут же появляются ещё два свидетеля. И всё. Ты уже в отделении полиции, и тебе грозит не малый штраф. Такие случаи бывают, предупредила она. Однажды мы с Сергеем вечером шли домой. Оставалось километра три. Вдруг, как бы из не откуда, как будто вышел прямо из стены дома, появился негр, высокий сгорбленный наркоман, неопрятный. Потянул руку и просит двадцать баксов. От неожиданности я даже немного испугался. Прохожих много, но он нас выбрал. Видимо по нашей одежде. Собкин набычился, но молчит. Жалко денег. Да он бы и не дал. Ему самому надо. 20 баксов!

Так это же цепочка для Лиды, или две бутылки вина на ужине. Я посмотрел на бомжа, обе руки пустые, карманы не топорщатся, пойдем быстрее от сюда, говорю я, перебьётся. Мы быстро пошли дальше, не оглядываясь. Идём, до отеля рукой подать. Стоит парень и сует прохожим рекламки. Сунул и нам. «Paradise» на рекламе и девица у шеста. Проходим метров пятьдесят, вывеска горит и манит: Paradise! Переглянулись. Ну что зайдем? У нас такого нет. Ну надо же хоть раз в жизни посмотреть, что да как. Зашли. Тесный узкий коридорчик со стойкой. Заплатили за вход. Вошли в зал. Зал оказался большой. В середине длинный подиум со шестами, а вокруг столы со стульями. В зале как в ресторане есть и другие столики. Немногочисленная публика сидит в отдалении. Мы одни сели прямо у подиума, посчитали, что тут лучше разглядим все подробности. Четыре танцовщицы под музыку медленно двигаются у своих шестов. Азиатка, африканка, мулатка, и белая блондинка. В лифчиках и плавках, на бёдрах толстые цветные резинки. К нам подошел официант и Сергей заказал алкогольный коктейль, а я колу. Нам принесли. Блондинка тут же подошла к нам и стала танцевать около нас, мило улыбаясь. Собкин потягивает коктейль, а я колу перемешивая трубочкой лёд. Ждём — что же дальше? Танцовщица отошла, подозвала официанта и показала на нас пальцем. Он быстро подошёл к нам и что то нам сказал. Мы показывая на свои уши и мотая головами, сказали ему, что мы ничего не поняли. Он заулыбался, достал доллар, и показал на танцовщицу, надо ей платить по доллару за подход. Разменяли у него по десять баксов. Танцовщица наблюдала за нами, сразу подошла и показала на резинку. Ну мы же не тупые! С первого раза всё поняли. Я ей сунул за резинку доллар. Широко улыбаясь танцовщица стала ходить кругами. То ближе подойдёт, то снова отходит. Мы приготовились к просмотру. Она подошла и снова выставила ногу с резинкой. Собкин сунул доллар. Сама деньги не брала. Опа — и лифчик слетел. Вот как это работает, поняли мы. Собкин привстал и протянул ещё, ну не терпится ему. Плавки приспустились, но не до конца. Опять облом. Дали ещё доллар. Плавки уже на полу. Она отошла от нас к среднему шесту и давай с ним обниматься. Не этого мы ждали от неё. Так, используя доллар за долларом, мы наконец подманили её к себе. Только тогда, когда из резинок торчали почти все наши баксы, она села на корточки перед нами, и широко раздвинула ноги. Я вспомнил, что это, я уже видел и бесплатно. Она, как мне показалось с любопытством смотрит, то на него, то на меня, улыбается, как бы говоря — ну и чего вы два идиота тут не видели? Я посмотрел на Сергея, он замер, и внимательно смотрит «туда», и шевелит губами. Как будто пытается что-то запомнить, заучить на память. Мне как то стало неуютно, чувствую себя идиотом-извращенцем. Люди сидят в зале, беседуют между собой, иногда поглядывая на нас и танцовщиц, а мы тут одни у подиума. Хоть сквозь землю провались. Ну надо же так облажаться, думаю я. И этот ещё пялится не моргая. Мне надоело, сказал я Сергею, пошли от сюда и смотрю на выход. Он мотнул головой — нет. Наблюдательная блондинка встала и отошла пританцовывая, показывая спиной — сеанс окончен. У нас оставалось ещё по доллару. Давай посмотрим на африканку, говорит Собкин, и подзывает её рукой. Она тут же отреагировала и подошла выставив ножку. Он сунул ей последний доллар. Как позвать официанта, спрашивает он. Я махнул рукой, тот подошел. Чек плиз, сказал я. Собкин зашипел: давай посмотрим. Официант наблюдает, не торопиться. Я повторил, эскюзьми, чек плиз. Он немного скривился и принес «книжку» с чеком. Мы рассчитались, не забыв добавить десять процентов чаевых. Собкин до утра со мной не разговаривал.

Утром завтракая в кафе отеля мы садились у большого окна за столиком на двоих. С одной стороны я смотрел на фикус, за спиной у меня ларёк с сувенирами. У Собкина все всё наоборот, как в негативе. Собкин на фоне фикуса смотрелся не таким противным. Так как это не Тайланд, картинок в меню нет, что очень сильно нас напрягало. В первый раз официантка сама выбрала нам блюда, устав ждать и слушать наш английский. Из нашего разговора она уловила слово «сосиска». Принесла огромную сосиску, с картофельным пюре, салатом и кофе «американо». Это была латиноамериканская женщина, среднего роста, симпатичная. Двига-

лась быстро, улыбалась не по «американски», а искренне. Это кстати, видно. Потом подходя утром к нам она с улыбкой спрашивала: «сосыска»? Мы радостно кивали головами.

Окно, как огромный телевизор. Мне нравилось сидя в тепле смотреть, как утром люди спешат на работу, и другим делам, поёживаясь от холода. Температура в январе по утрам опускалась до нуля. Днем поднималась до десяти, градусов тепла. Утром машин было меньше, город просыпался. Однажды улица опустела. Ни машин не людей. Минут через пять, на противоположной стороне улицы появилась съёмочная группа, в желто-зелёной униформе, машины с такой же раскраской. На операторе — стедикам! Я такое увидел впервые. Я привёз с собой видеокамеру «Панасоник». Она с полноразмерной кассетой. Снимать приходилось держа камеру на плече, и держать её ровно, чтобы картинка в объективе не дёргалась. На операторе жилет- корсет похожий на снаряжение для альпинизма или робота. Штанга-рука которая крепится к жилету и держит камеру. Противовесы на другом конце штанги — чтобы уравновесить камеру и сделать движения плавными. Сама камера закреплена на специальной платформе с шарниром, чтобы не тряслась при ходьбе. Пошли актёры, мужчина и женщина, о чём то беседуют. Сразу массовка — случайные прохожие. Оператор шёл быстро, успевая за актёрами. Вся конструкция парит рядом с ним. Со стороны кажется, что он несёт на себе скелет какого-то фантастического существа или управляет сложным протезом. Камера при этом плывёт в воздухе не дёргаясь — именно этого эффекта и добиваются в кино. Фантастика, и не в кино а наяву!

В другой раз мимо окна проплыла примечательная парочка. Я её ещё вспомню. Высокий, уже пожилой негр, и с ним под ручку молодая белая девушка. Шли они медленно, он ей что-то говорил, она смеялась. На нём была чёрная норковая шуба в пол, на голове черная ковбойская бобровая шляпа, лакированные ботинки. В черной руке он держал белую инкрустированную трость из слоновой кости, пальцы в золоте. Я тогда первый раз увидел мужчину в норковой шубе. Военный полушубок, вот наш удел. А тут норковая. И это было красиво.

Вечером мы ужинали в этом же кафе, но персонал был уже другой и нас усаживали за свободный столик. Порции были огромными. Ни в одной другой стране таких порций я не встречал. Собкин всегда заказывал себе бутылку полусладкого вина за девять долларов, и запивал им свой ужин. Когда он ел, то он за мной подглядывал. Меня это напрягало. Я не мог доесть всё. Действительно очень много. Дождавшись когда я положу вилку на стол, он спрашивал: ты всё? Давай я доем. Не это меня удивляло. В конце концов мы за всё заплатили и не рублями а долларами. Я задавал себе вопрос — у тебя там что, ведро вместо желудка?

Шоппинг. Ну как без него. Для Сергея, как я понял, он стоял на первом месте. Всё остальное потом. Мне надо купить Лиде «брюлики», страдал он, ему кто-то сказал, что в Америке они дешевые. Он спросил гида, где здесь можно купить камни по дешевле? У нас здесь есть «Бриллиантовая улица», там столько бриллиантов, что ими можно обогнуть земной шар, если выложить их вплотную друг к другу, хитро улыбаясь объявила она ему. Его аж затрясло от предвкушения купить по дешевле. «Бриллиантовая улица» — это неофициальное, но очень распространённое название 47 улицы Манхеттена. Камни, которыми можно «обогнуть земной шар» — это красочная метафора, но Собкин в это поверил. Именно на ней находится большая часть из всех алмазов (90%), продаваемых в Америке! В одном квартале сосредоточено до двух с половиной тысяч различных ювелирных и алмазных компаний. Это, самая высокая концентрация алмазных дилеров в мире.

Мы пришли туда. Первые этажи домов сплошные ювелирные магазины и лавочки. Мне этого ничего не надо, я пришёл просто — «поглазеть». Мы зашли в один небольшой магазинчик где, наряду с украшениями была витрина с наручными часами. Часы не новые, некоторые украшены мелкими камнями. Смотрю на одних часах корона и надпись: Rolex. Пожилой хозяин в жилетке и шапочке ермолке, в очках на кончике носа, внимательно за мной наблю-

дает поверх очков. Я подумал, ну пусть ношеные, выглядят прилично, зато наверно дёшево. Пытаюсь говорить на английском. Он вежливо улыбаясь говорит по русски. Молодой человек, я вас умаляю, не мучайте себя, говорите как умеете, я вас пойму. Из проёма двери выглянул молодой парень, видимо услышав русскую речь. Сколько стоят эти часы, показал я на Rolex. Вы куда-то то опаздываете, молодой человек? А вот Ролекс никогда не опаздывает. Сказал он. Вы сначала посмотрите на эту инвестицию. Это не часы, это как член семьи. Сам президент Кеннеди носил, а вы чем хуже? Так все-таки, сколько они стоят?: спросил я. Он достал часы подал их мне. Тяжелые, белая сталь, от старости матовая. Я спросил, а сколько им лет? Всего пять лет, ответил он. Пять лет? — переспросил я. Пять: кивнул он. А что, вас это смущает? Для Ролекса — это детский сад. Главное не возраст, а порода. Порода у него есть — не сомневайтесь. Так сколько всё же стоит этот породистый малыш? Всего пять тысяч, для Ролекса это не деньги, это так, вступительный взнос. Услышав цену, да еще за старые часы, я передумал их покупать. Нужно посмотреть в магазинах, какие цены на новые. Потом что-то решать. Вернуться и купить я ещё успею. Да и это половина всех моих денег. А вдруг подделка. Ну не знаю, сказал я. Я должен быть уверен что Ролекс настоящий. Арье, позвал он парня. Сходи с ними к Науму Ароновичу, что бы он проверил часы. А кто такой Наум Аронович?: удивленно спросил я. Наум Аронович это тот, кто не смотрит на то, что блестит. Он смотрит — это вещь или разговор.

Арье провел нас через магазин и мы вышли через чёрный ход. Внутри зданий и задних проходов были сотни микроскопических точек, размером чуть больше чулана. Некоторые торговцы сидят прямо на улице и с бархатных лотков продают цепочки и украшения. Другие, несмотря на стоимость товара из обычных пластиковых пакетов. Мы попали в настоящий «муравейник», где кипит скрытая от туристов оптовая жизнь этого района. Собкин остановился у одного из торговцев, недалеко от магазина. Вы идите, я хочу посмотреть. Он сразу понял — вот оно где! Пройдя достаточно прилично, протискиваясь сквозь ряды палаток и ларьков мы пришли к Науму Ароновичу. Это был часовой мастер. Над его столом на четырех стойках трепыхался брезент. На глазу лупа-монокль. Очень старый. Арье уважительно подал ему часы и попросил подтвердить породу. Мастер снял заднюю крышку часов, посмотрел механизм, и коротко сказал. Да — это Ролекс. Потом посмотрел на меня и добавил очень мягко. А если вы сомневаетесь — не покупайте. Сомнение в таком деле дороже денег стоит. Вы посмотрите на секундную стрелку, он должна идти плавно, без дерганья. И на заднюю крышку — там есть клеймо. Показал, крышку зарыл, часы отдал Арье. Мы вернулись в магазин, по пути назад прихватив Собкина с собой, я сказал хозяину, что подумаю.

Собкин, каждый вечер, собираясь ложиться спать, сидя в трусах на краю кровати, открывал чёрный бархатный мешочек, высыпал на руку три камешка и подолгу разглядывал их. Иногда смотрел, вытянув руку к лампочке. При этом губы его шевелились, словно говоря: «С вами, я просто Султан!».

Буквально на следующий день, когда мы шли к Рокфеллер-центру, было уже поздно мы заглянули в магазинчик «Часы». Скромный, небольшого размера. Я увидел часы, очень похожие на плоские часы «Полёт» модные в СССР. Попросил показать. «Movado»: прочитал марку часов. Продавец, молодая полька, которая здесь училась и решила остаться. Она сказала, что знает украинский язык и нас поймёт по русски. Часы мне понравились, позолоченные, легкие, плоские. Позолоченный браслет. Сколько они стоят, спросил я. Девятьсот долларов, ответила она. Стесняясь показаться дремучим, всё же спросил — а чья это марка?

Швейцарские, ответила она. Достала толстый каталог часов и в нём, в разделе Швейцария, нашла эту фирму и именно эту модель. Вот пожалуйста, сказала она. Я смотрю, а цена напротив этих часов стоит 1200 долларов. Ну понимаешь, говорит она, не надо думать, что тут в Америке всё по закону. Здесь как везде. И в Швейцарии есть левый товар. Мимо таможни, потому и дешевле. Я же вижу, вы не с налоговой. Если за кеш и без чека, восемьсот долларов.

Я очень захотел эти часы. Семьсот — говорю я. Она ушла в подсобку. Из подсобки выглянул сначала хозяин, потом вышла она. Хозяин говорит, он продаст вам за семьсот, если за пятьдесят долларов вы купите вот этот сувенир «Статуя свободы» из серебра, она стоит сто долларов, но он продаст вам её за пятьдесят. Всё за семьсот пятьдесят долларов, и то потому что мы закрываемся и он торопиться домой. Да ладно думаю я. Торопятся они, из серебра, за пятьдесят, чушь какая-то. Хорошо, договорились: сказал я. Позже я посмотрел, в кафе гостиницы, в сувенирном ларьке она стоит семь долларов. Ношу часы уже больше тридцати лет, сейчас только на даче, когда работаю, позолота местами стерлась, ходят точно, минута в минуту. Как швейцарские!

Собкин успокоился насчёт «брилликов», но у него появилась другая фишка. Надо Лиде купить колечко с камешком. Но, чтобы магазинное, и со всеми чеками и бирками. И вот, куда бы мы не пошли, его ничего не интересует, кроме ювелирных магазинов. Мне это надоело. Когда он зашёл в очередной ювелирный, и завис над прилавком, я сказал, ты смотри, а я пошёл, встретимся в отеле. Пошёл вниз к статуе свободы. Смотрю вывеска. «GAP». Огромный в четыре этажа магазин джинсовой одежды. Впервые увидел такой магазин. Подумал, что «GAP», это американская фирма, которая шьёт джинсу, просто я о ней не знаю. Это потом я узнал, что это, сеть магазинов по всему миру. Говорил же мне Семичастный, в Америке стоит брать только одну джинсу. Зашёл. Четыре этажа. Эскалатор. На первом — Фор мен. Выбор огромный, после России глаза разбегаются, хочется купить всё. Джинсы 45 долларов, рубашка 50, куртка 75 долларов, кожаный ремень из буйвола 25. Я понял, поездка оправдала ожидания. Буду брать на всю семью. Но вот беда, размеры -7,8,9? Мерить каждую вещь? А жене, а детям? Стою думаю. Мимо проходит сотрудник, высокий негр в синих джинсах и белой рубашке. Там все так одеты. Ну прямо копия — Барак Обама. Посмотрел на меня, и слегка кивнув головой, как бы поздоровавшись улыбнулся. Хэлп ми плиз сер, попросил я. Он подошёл, помог мне выбрать джинсы, рубашку и куртку. Вот оно спасение. И я решил его не отпускать, буквально вцепился в него. Мы с ним прошли три этажа: мужской, женской и детской одежды, используя его как «вешалку-слугу». У меня руки свободны, они мне нужны для работы, надо всё потрогать, снять и повесить. Он уже не улыбается, но покорно ходит со мной, обвешанный барахлом. Подбежала сотрудница, немного испуганная, но он шуганул её, иди, сам справлюсь, и как то недобро посмотрел на неё. Она попятилась задом, потом развернулась и быстро ушла. Подошли к кассе. Кассир, молодая женщина пробивает, он не уходит, стоит и смотрит. Когда выскочил чек больше чем на пятьсот долларов, он высокомерно посмотрел на сотрудниц, вроде как — смотрите и учитесь, как надо работать с клиентом. Смотрю, а на прилавке восемь пакетов. Я снова к своему спасителю. Мне надо такси. Вызови пожалуйста. Он говорит, здесь нет стоянки такси, она в двухстах мерах, и показывает мне направление, вижу по лицу — иди туда, куда я тебе пальцем показал. Я тоже набычился. Я тут вам отстегнул за ваше барахло пятьсот баксов а вы ещё упираетесь? Такси плиз, стою на своём, я и с места не сдвинусь. Кульки даже в руки не беру. Он тяжело вздохнул, видно он в замешательстве, а девки с интересом смотрят. Потом пошел на улицу в одной белой рубашонке. А на улице какой не какой, а январь. Даже идёт косой редкий снежок. Продавщицы улыбаются от удовольствия этой сцены и тихо шепчутся. Его не было минут пять. Пришёл с белым суетливым мужиком. Замёрз, руками трёт себе предплечья. Я взял половину пакетов, другую водитель. Оказалось, он просто проезжал мимо, он его остановил и уговорил отвести меня в отель.

Собкин сидел в трусах на кровати и разглядывал колечко с камешком. Губы его шевелились как бы говоря: «Моя прелесть!». Я вывалил все из пакетов на свою кровать и стал смотреть, и чего это я накупил? Сначала он никак не отреагировал. Он был сильно занят важным делом. Закончив свои важные дела он обернулся и замер. Ты где это всё набрал?: с удивлением спросил он. Потом стал брать вещи по одной, выворачивал, растягивал, смотрел клепки и швы, цокал языком. Какой же он всё таки крупный специалист по джинсе, ну всё знает и всё

понимает: подумал я. Тут недалеко магазин GAP, ты наткнешься на него если пойдёшь вниз по улице. (Улицы спускались с небольшим уклоном к заливу). Пойдём со мной завтра, а то я не найду, попросил он. Я согласился.

Пришли, он пошёл за покупками, а я, так как только вчера был здесь, ищу место где сесть, и не нахожу. Охранник в коричневой униформе, с огромной кокардой на фуражке и огромного размера ботинках сидел на лавочке у двери. Он встал и жестом предложил мне сесть. Это был негр, маленького роста, коренастый. Кожа грубая и чёрная, как кирзовый сапог. Голова большая, нос плоский, огромный рот с толстыми губами. Он широко улыбался, показывая свои белые зубы. Раз приглашают, я сел. Он поинтересовался, откуда я. Говорит: « ю тотали оунд хиз бос!» Это означало, что «Барак Абама» был их боссом, и я его просто уделал. Он протянул мне свою чёрную руку, и я пожал её. Непомерно гордый и важный я пошёл покрасоваться, как бы разглядывая товар. Сергей примерял ремень. Я подумал, и взял ещё второй, коричневый. Мы пришли на кассу. На каждом этаже есть своя касса. Он уже заплатил в женском отделе и спустился вниз, в мужской, где и выбирал себе ремень. Поставив пакеты с женской одеждой на прилавок, он положил к кассе мужские вещи. Продавщица пробила их, складывая в пакеты и принялась за пакеты с женской одеждой, вытряхивая содержимое на прилавок и стуча пальцами по кассе. Я уже оплатил свой ремень и смотрел, что же будет дальше. Тупят оба. Пакеты выдают на кассе. Они не валяются где угодно, они прямо все из себя — фирменные, круче, чем сам товар. И кассир это прекрасно знает. Почему не попросила показать чек — тайна. Собкин, всё это видит, стоит и смотрит. А я смотрю на них обоих и с наслаждением жду, что же будет дальше? Пробила ему чек. Он уставился на него и впал в кому. Потом вышел из неё, побагровел и начал ей что-то объяснять на русском, размахивая руками и показывая на верх, то ли на женский отдел, толи на божью кару. От ужаса он забыл, где он, кто он, как он. Кассирша ничего не понимая, дико смотрит на него. Видно, даже не поймёт на каком языке он говорит. Она сделала шаг назад от кассы и Собкина, подняла руку вверх, замахала ей, глядя за горизонт, как бы прося помощи и громко закричала. Я услышал женское имя и в конце вопрос — «ю спик спеин?». Дело в том, что у Собкина в роду были туркмены. Он был смуглый, с кучерявыми, черными волосами, рослый, рябой и с выпученными красноватыми глазами, и тут я представил его в сомбреро, штанах с бахромой, гитарой за спиной и двумя кольтами. Она приняла тебя за «латиноса»: сказал я ему. Покажи ей чек за женскую одежду. Он судорожно начал рыться в карманах, нашёл и показал ей. Она извинилась и пробила ему новый чек.

Но самая «главная» покупка была ещё впереди, в самом конце поездки. Как то, раз, когда мы возвращались с очередной экскурсии, в окно автобуса мы увидели магазин «Меха». Витрина магазина занимала три этажа. На витрине всевозможные шубы на манекенах. Собкин вслух сказал, вот бы нам тобой сюда сходить. Так как гид сидит рядом, она отреагировала следующим образом. Это один из самых престижных меховых магазинов Нью-Йорка, здесь делает покупки сама Ненси Синатра. Не тратьте время, цены высокие, а в таких магазинах не принято торговаться. Если хотите я вам подскажу место, где цены приемлимые. Мы сказали ей спасибо, и забыли про это. В конце поездки за два или три дня он вдруг вспомнил об этом магазине. Покупать уже нечего, а какие-то деньги остались. Я хочу посмотреть Лиде шубу, сказал он. Если подберу какую, и у меня денег не хватит, ты добавишь? Я в Челябинске отдам, валютой, смотря сколько, через месяц или два. Да без проблем, ответил я. Мы нашли этот магазин и зашли. Атриум в два этажа и эскалатор. Магазин огромный. Конца зала не видно. Шубы рядами до горизонта. Мы пошли смотреть, по рядам. Он искал норку, не знаю какую. Я просто иду и смотрю, не трогая товар. Вижу две сотрудницы смотрят мимо меня на Собкина и волнуются. Переговариваются, как бы не понимая, что им делать. Обычно люди смотрят ценник у вешалки под воротником или где-то на пуговице. Этот же стоит на колене, задрал подол шубы, задрал подкладку и смотрит мздру. Ещё и трёт её руками. Да он оказывается, не только специалист по джинсе, но и по мехам тоже! Я, что бы отвлечь его от этой экспертизы, подошёл и спрашиваю,

что качество не устраивает? Он говорит, вроде нормальное, а вот цена большая, не буду брать. Сотрудницы к нам не подходят но обе наблюдают за нами очень пристально. Уже с разных сторон. Видимо, что бы чего-нибудь не украли. Магазин пустой, мы одни. И вот они, мужские норковые шубы, разной длинны, и даже в пол. Я вспомнил того негра в шубе и бобровой шляпе. Смотрю на цену — пять тысяч. Собкин увидел, что я остановился и задумался, говорит: примерь. У меня, говорю, всего пять тысяч осталось, это последние, и где я её у нас буду носить? Ну одену раз куда-нибудь и всё. А так в ней ходить — это у нас неприлично. Собкин активизировался. Если бы у меня были такие деньги как у тебя, я бы взял. Намекает на мою скупость, думаю я. А если я договорюсь о скидке — возьмёшь? Договоришься за три с половиной — возьму, твёрдо сказал я, понимая что это не реально. Я одел шубу, подошла продавец и мы выбрали почти до пят. Чёрная канадская норка. Шикарная. Она взяла шубу повесила её через руку и несёт её к кассе. Собкин, второй сотруднице на бумаге пишет цифры, та мотает головой и рукой, нет! Я сам тоже загорелся когда одел на себя шубу и посмотри в зеркало. В тайне я уже решил, куплю и за пять тысяч, если скидку не дадут. Если что, у Собкина займу сто долларов чтобы до дома добраться. Зачем везти деньги обратно. Собкин ни одного американского слова не знает, кассир видит только цифры а диалога нет. У меня моментально появился план действий. Он работает во многих случаях безотказно. Уверяю, попробуйте. Когда разговор идёт о деньгах, но они у вас в кармане, это одно, а когда они на столе, на виду, человек их видит, и может взять — это другое. У меня пять тысяч сотнями лежали в кармане пиджака перетянутые резинкой. Я достал брикет, снял резинку и молча не торопясь стал ложить на стол стодолларовые купюры. Отсчитав таким образом три с половиной тысячи, но они видят что у меня пять, остальные я то же пересчитал, перетянул резинкой и положил в карман. Деньги на шубу есть, но я куплю за три с половиной. Вижу они смотрят на меня и ждут, что же будет дальше? Но уже с интересом. И даже с натянутыми улыбками. Улавливаю их взгляд. Они смотрят на кучку долларов небрежно лежащих на прилавке. Не отрываясь, как завороженные. И не знают, а что же им делать? Прихожу на выручку. За наличные, без чека! Одна встрепенулась, спросила — вы откуда? Из России сказал я. Подождите секунду, я сейчас приду. И ушла. Я понял, или к начальству, или позвонить, сама она не вправе принимать такие решения. Пришла, улыбается и говорит — окей. Положили шубу в фирменный пакет, и сделали ручкой. Деньги быстро, не пересчитывая, спрятали в кассу. Мы спустились по эскалатору, там охрана и рамка. Собкин прошёл, а у меня завыла сирена. Один охранник подбежал к двери, закрыл её и загородил спиной, другой держа руку на кобуре, приказывает мне положить пакет на пол и отойти в сторону. Смотрю на улицу через стеклянную дверь, а Собкин быстрым шагом, почти бегом идет на противоположную сторону улицы. Первые секунд десять паника, даже ступор. Потом по мере выделения адреналина возникала злость, всё больше и больше. Мысли вихрем в голове. Суки, подстроили специально. Как красиво кинули. Что, теперь американская тюрьма? Адвокаты бешеных денег стоят. Ничего не доказать. Чека нет, денег у них тоже, уже перепрятали. Свидетель убежал. Да какой он свидетель? Соучастник. А то вообще откажется от всего. Семья? Что будет с ними? Позорище то какое. Сирена орёт, мигалка на рамке мигает красным светом. Охранник чего-то ждёт. Поворачиваю голову а по эскалатору спускается бегом сотрудница, что ходила к начальству, бежит, на каблуках, боится споткнуться, одной рукой держится за поручень эскалатора а другой машет охраннику, и кричит что то. Запыхалась, взяла пакет с пола и уехала наверх. Охранник продолжает стоять с рукой на кобуре. Стою и думаю, теперь другой кидок — ни шубы ни денег. Ну хоть не тюрьма. Через минуту едет назад, немного испуганная и виновато извиняется. Отдала мне пакет и просит охранника, что бы он меня с пакетом снова пропустил через рамку. Я прошел и вышел на свободу. Заглянул в пакет, шуба на месте. Собкин стоит метров за двести и ждёт. Я подошёл и уже спокойно спрашиваю, а ты чего испугался, ты почему ушёл? Он начал говорить, что у него маленький ребёнок и ему обязательно надо вернуться домой. А я его и уже не слушал. Я думал о другом. Хорошо, что так получилось. Я

тебя всегда по старшинству жалел, многое прощал, на многое просто не обращал внимания. «Да прости его господи, ибо он не ведает, что творит». Ты сам развязал мне руки. Как будто гора с плеч! И уже в хорошем настроении, ведь ничего не случилось, мы пешком отправились домой. И на самом деле — ничего не случилось! Я просто испугался!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.